

190 лет назад в ночь с 14 на 15 октября, если по новому стилю, в Москве, в несуществующем сейчас доме, где-то рядом с нынешними тремя вокзалами, станцией метро «Комсомольская» и сталинской высоткой МПС родился Михаил Юрьевич Лермонтов.

Кем был этот человек по отношению к придуманному им Григорию Печорину? Зеркальным отражением? Антиподом? Отказаться от подобных «спрямлений» убеждали пронырливые критики еще позапрошлого века. Да и сам автор: «Иные ужасно обиделись, и не шутя, что им ставят в пример такого безнравственного человека, как Герой Нашего Времени; другие же очень тонко замечали, что сочинитель нарисовал свой портрет и портреты своих знакомых... Но, видно, Русь так уж сотворена, что все в ней обновляется, кроме подобных нелепостей. Самая волшебная из волшебных сказок у нас едва ли избегнет упрека в покушении на оскорбление личности!»

Но вот незадача. Сколько бы ни твердили учителя об образе «лишнего человека», обращаясь к подобным авторитетным свидетельствам, сколько бы школьных сочинений ни было написано на эту дежурную тему, а в ученических головах все время складывается почему-то отличный от учебников образ. Действительно героя. Действительно достойного подражания. И при этом неотделимого от самого Лермонтова.

Естественно, так бывает, если головы и укомплектованные в них юные мозги еще не окончательно искривлены сегодняшним виртуальным компьютерно-телевизионным пространством. В противном случае бывает совсем другое. Ну например: «Грушницкий хотел княжну Мери, а княжна Мери хотела

Но вот что откристаллизуется потом в его памяти и стихах:

А там, вдали, грядой
нестройной,
Но вечно гордой и спокойной,
Тянулись горы — и Казбек
Сверкал главой
остроконечной.
И с грустью тайной и
сердечной
Я думал: «Жалкий человек!
Чего он хочет!.. небо ясно,
Под небом места много всем,
Но беспрестанно и напрасно
Один враждует он — зачем?»

Тут Лермонтов на главу Казбека выше тех, кто пытается приписать его к своему нынешнему сиюминутному политиканству. Многих удивляет: как мог он в «Демоне» увидеть мир глазами человека, пролетающего над Кавказом на современном авиалайнере? Как мог этот совсем еще юноша, жизнь которого оборвалась в 26 лет, охватить Землю внутренним взором, свойственным скорее философам русского космизма на финише XIX века, предвосхитив планетарное, биосферное зрение Вернадского и Циолковского? И это на самом деле поразительно.

Но куда более поразительно другое. Как мог он предвосхитить то обостренное внимание к непредсказуемости и непознаваемости вселенной человека, личности, которое по праву связывается с именами Достоевского, Фрейда, Кафки, с достижениями психоанализа уже нашего, XXI столетия?



Кремнистый путь в железный век

К 190-летию Лермонтова

Печорина, но сам Печорин никого не хотел, так как был лишним героем нашего времени».

Да, Лермонтов непросто согласуется с нашим виртуально-публичным временем. Хотя, конечно, попытки «приспособить» его строки к «злобе дня» и предпринимались. Помните? Накануне первого ельцинского танкового марш-броска в Чечню в разных печатных изданиях замелькали строки из лермонтовской «Казачьей колыбельной песни»:

**Злой чечен ползет на берег,
Точит свой кинжал.**

Кто-то тогда позаботился о назойливом вколачивании их в общественное сознание. А ведь строки эти совсем иначе звучат в контексте всей «Песни». Не говоря уже о контексте всего творчества Лермонтова, где «Герой нашего времени» открывается «Белой», до краев наполненной авторским уважением к характерам и человеческому достоинству тех самых горцев, которых нынче уничижительно называют «лица-ми кавказской национальности».

У него есть потрясающее по независимости от стереотипов своего века, по провидческому взгляду на будущее межнациональные соударения стихотворение «Валерик». Как офицер русской армии Лермонтов храбро сражался в бою у Валерика — реки Смерти — против чеченцев.

В общем-то ясно, почему Печорин с первого прочтения становится кумиром многих молодых сердец и умов, отношение которых к миру есть в большей степени взгляд внутрь, нежели окрест себя.

Внутренний кодекс чести человека, живущего своей потаенной духовной жизнью, до которой нет дела окружающим, которую он бережно охраняет от чужого вмешательства, от передачи прав на этот внутренний мир другому человеку, будь то любимая женщина или друг, — вот что уже более полутора столетия примагничивает не одно поколение на излете отрочества.

И тем не менее это, печоринское, наполнение, если бы им и ограничился подтекст «Героя нашего времени», никогда не дало бы лермонтовскому роману того глубоко народного течения, которое выносит его в океан мировой классики. Это течение возникает из действительного несовпадения личности Печорина и личности самого Лермонтова.

Хотя между ними много биографических пересечений, тем не менее в авторское мировосприятие входит и моральный суд над Печориным с высот той России, которая представлена в его творчестве Максимом Максимычем.

Моральной вершиной, может быть, всего написанного Лермонтовым стала сцена прощания

Максима Максимыча и Печорина: «Давно уже не слышно было ни звона колокольчика, ни стука колес по кремнистой дороге, — а бедный старик еще стоял на том же месте в глубокой задумчивости.

— Да, — сказал он наконец, стараясь принять равнодушный вид, хотя слеза досады по временам сверкала на его ресницах, — конечно, мы были приятели, — ну, да что приятели в нынешнем веке!.. Уж я всегда говорил, что нет проку в том, кто старых друзей забывает!»

В том-то и дело, что не забывает старых друзей Печорин. Он и здесь остается самим собой. Просто в понятие это — «старый друг» — они с Максимом Максимычем вкладывают не имеющий общей меры, разный, взаимоотторгаемый смысл. И Лермонтов, принимая как личную судьбу Печорина, все же моральные критерии, прилаживаемые к этой судьбе, воплощает именно в простых житейских правилах товарищества, исповедуемых бесхитростно и незащищенно тысячами, миллионами российских Максимов Максимычей.

Все это — «Герой нашего времени», «Родина», «Выхожу

один я на дорогу» — завязано в один узел трагического двухлетия 1840—1841 годов. Это действительно вершина осмысления им ключевых понятий бытия: личность, народ, отечество. И тут все, говоря словами поэта иного, XX века: «Как это было! Как совпало...» Кремнистая дорога, по которой навсегда, навстречу своей смерти, уезжает от Максима Максимыча, больно его обидев, Печорин, совпала с прощальными строками самого Лермонтова: «Выхожу один я на дорогу; сквозь туман кремнистый путь блестит». Это же один и тот же кремнистый путь! И образ Максима Максимыча неуловимо, не буквально, но все же совпадает с умонастроением поэта в «Родине»:

...У хронологии российской словесности немало магических, мистических даже цифр и дат, странных сближений, как сказал бы Пушкин. Вот и голы рождения и гибели Лермонтова зеркально отражают друг друга: 14—41 (1814—1841). И в этой зеркальности трагически предопределен уже не его, уже следующий век.

17.10.04
Лермонтов Михаил